

Небо было черным, ни единой звезды. Лю Синьцзэ прислонился к перилам балкона и достал сигарету. Чиркнув зажигалкой, он глубоко затянулся, выпуская в ночной воздух струйку сизого дыма. Его взгляд был тяжелым, а от всей фигуры веяло мраком.

С момента смерти Линь Мао прошло уже больше двадцати дней. Почти каждую ночь он просыпался в холодном поту и выходил на балкон выкурить сигарету. Он не был человеком, который никогда не любил — когда-то в его сердце мелькали другие образы, заставляя его чувства бурлить, но со временем они стирались из памяти. Сейчас, пытаясь вспомнить их лица, он не находил ничего, кроме расплывчатых силуэтов.

Но с Линь Мао всё было иначе. Чем больше времени проходило, тем отчетливее становились черты лица покойного в его памяти. Порой у Лю Синьцзэ случались галлюцинации: ему казалось, что окружающие его люди — это Линь Мао.

Это было безумие, и Лю Синьцзэ прекрасно это осознавал. Однако он ничего не предпринимал: не искал психотерапевта, не пытался развеяться. Он позволял этой горькой боли проникать в каждую клеточку своего тела, терзать душу, постепенно привыкая к ней, словно к наркотику.

Подул холодный ветер, в темноте зашумела листва. Красный огонек сигареты то вспыхивал, то гас. Лю Синьцзэ опустил руку и с силой вдавил тлеющий окурок в кожу своего предплечья, чуть выше засученного рукава.

Мгновенно в воздухе разлился запах паленой плоти. Потушив окурок, он бросил его в урну, оперся локтями о холодный кафель балкона и опустил голову. Его плечи затряслись, и в тишине раздался беззвучный, болезненный смех.

Утром Лу Пэй, еще не продрав глаза, поплелся в ванную, чтобы умыться холодной водой. Он открыл кран, поставил ладони под ледяную струю и плеснул себе в лицо. Почувствовав, что сонливость немного отступила, Лу Пэй уперся руками в края раковины и поднял взгляд на зеркало.

Внезапно дыхание перехватило. Его зрачки расширились до предела. В зеркале отражался юноша: кожа нежная и светлая, черты лица холодные и резкие, губы, напоминающие лепестки цветка, слегка приоткрыты, а их цвет отливает вызывающим алым оттенком. Но в глазах отражались лишь шок и ужас.

Лу Пэй коснулся пальцами своих щек.

Невозможно. Как такое может быть? Это лицо — не его.

Он судорожно ощупывал себя, а человек в зеркале повторял каждое его движение. Лу Пэй вскрикнул от страха. Он выбежал из ванной, схватил со стола телефон и посмотрел на свое отражение в темном экране. Там было его собственное, привычное лицо, а не лицо Линь Мао.

Лу Пэй облегченно выдохнул. Силы покинули его, он безвольно рухнул на диван.

Тук-тук-тук! В дверь настойчиво постучали. Лу Пэй глубоко вздохнул и поднялся, чтобы открыть.

— Маомао, ты проснулся? Мама приготовила суп из свиных ребрышек с кукурузой, поешь немного, — мать Линь стояла с бежевым термосом в руках и мягко улыбалась.

Пальцы Лу Пэя на дверной ручке сжались так, что побелели костяшки. Он изо всех сил старался подавить подступающий гнев.

— Я не Линь Мао. Я говорил это уже много раз: я не Линь Мао. И не нужно больше приносить мне суп, я его не буду.

Мать Линь словно не слышала его. Она отстранила Лу Пэя, прошла в комнату и поставила термос на обеденный стол.

— Маомао, что за глупости ты говоришь? Если ты не мой сын, то кто? Мама была права, не стоило заставлять тебя встречаться с теми девушками. Ты их терпеть не можешь — больше не увидишь. Но ты живешь здесь один, я места себе не нахожу. Давай переезжай домой, я больше не буду ссориться с твоим отцом. Послушайся меня, вернемся домой, хорошо?

Уголок губ Лу Пэя дернулся. Он почувствовал невыразимую горечь и одновременно абсурдность ситуации. Его голос внезапно сорвался на крик:

— Прошу, посмотрите внимательно! Я не Линь Мао!

— Если ты продолжишь так вести себя с мамой, не вини меня, если я прибегну к крайним мерам.

Мать Линь смотрела на него, и в её глазах застыл леденящий холод — так смотрит разъяренная самка леопарда, которая боится, что её ярость может навредить собственному детенышу.

— Ха! — Лу Пэй едва не рассмеялся. Он обошел женщину, не желая продолжать этот разговор.

Мать Линь проводила его взглядом, пока он уходил в спальню переодеваться, и кивнула кому-то за дверью. В комнату вошли двое крепких мужчин. Вскоре из спальни донеслись звуки борьбы и глухой удар.

Двое мужчин вынесли бесчувственного Лу Пэя, поддерживая его под руки, и остановились перед матерью Линь.

— Умничка, мы едем домой, — голос матери Линь был нежным и спокойным. Она погладила Лу Пэя по щеке, чувствуя тепло его кожи. Её сын не умер. Сердце Линь Мао все еще бьется. Значит, Линь Мао жив.

Го Минъи всего за пять дней уничтожил своих врагов. Когда человек, который раньше смотрел на него свысока и смеялся ему в лицо, теперь стоял перед ним на коленях, рыдая и умоляя о пощаде, Го Минъи молчал. Он просто встал с черного кожаного дивана и подошел к просящему.

В руке у него был короткий нож. Под отчаянным взглядом мужчины Го Минъи схватил его за воротник и поднял, а затем холодное лезвие вонзилось в живот врага. Брызнула кровь, испачкав его черный костюм. Выражение лица Го Минъи не изменилось, лишь в глубине глаз разгоралось безумие.

За каждую боль, которую причинили Линь Мао, он заставит других заплатить десятикратно.

Го Минъи приказал подчиненным накрыть аквариум крышкой, полностью его запечатав. Он сидел на коричневом диване в гостиной, широко расставив ноги, и, сцепив пальцы в замок, подпирал ими подбородок. Его взгляд был прикован к прозрачному стеклу.

Там, в кроваво-красной жидкости, плавало тело.

Кожа покойника была мертвенно-бледной, но, по странной причине, губы оставались вызывающе алыми — даже краснее, чем кровь вокруг.

Глядя на это, Го Минъи ощутил прилив жестокости. Ему хотелось разрушить всё вокруг. В последнее время его руки почти каждый день были в чужой крови, но это не помогало. Чем больше он убивал, тем сильнее становилась пустота внутри, словно из его души вырвали кусок. Он едва сдерживал себя, чтобы не потерять остатки рассудка.

— Линь Мао... — нежно прошептал Го Минъи. Он опустил руки, расстегнул молнию на брюках и, обхватив свою возбужденную плоть, начал быстро двигаться, жадно глядя на юношу в воде.

Го Минъи тяжело дышал, ускоряясь. Белая семяизвержение брызнуло на стекло. Прошло немного времени, и его тело снова пришло в боевую готовность. Он подошел к аквариуму, прижал ладонь к стеклу и, придвинувшись вплотную, начал облизывать и покусывать губы юноши через стекло.

Мир вокруг начал погружаться во тьму. Тени сгущались, и в этой темноте виднелись лишь глаза Го Минъи, в которых, словно в бездонном океане, klokотала ярость, готовая в любой момент вырваться наружу.

— Эй, эй, дешевый неудачник, пора выдвигаться.

Сяо Хуан Шу подпрыгивала на согнутом колене Линь Мао, пытаясь разбудить спящего.

— ...Так быстро?

Казалось, он только закрыл глаза. Темные глаза Линь Мао слегка потемнели.

— Нет, просто мне стало так скучно, что я чуть не покрылась книжными червями.

— Здесь вроде бы нет червей.

— Это метафора, метафора!

— Ладно, погнали!

Линь Мао спрыгнул с холодной круглой шестерни. Его душа, лишенная опоры, зависла в пустоте.

— В этот раз роль очень сложная. До тебя многие «попаданцы» сдавались на полпути, но я верю в тебя! Твой актерский талант — лучший из всех, что я видела. Ты обязательно справишься и завершишь сюжет.

Линь Мао слегка закусил губу, в глубине его глаз мелькнула легкая улыбка. Он поднял правую руку и коснулся обложки Сяо Хуан Шу. Внезапно из книги вырвался ослепительный золотой свет, мгновенно окутав Линь Мао.

Вспышка — и Линь Мао вместе с книгой исчезли.

Вскоре после их ухода пространство начало содрогаться. Все шестерни, висевшие в пустоте, пришли в движение — сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее.

Бум! Шестерни резко остановились. В пространстве появились бесчисленные призрачные фигуры — старые, молодые, мужчины, женщины. Все они были безлики, их глаза смотрели в никуда.

Они замерли, как марионетки. Но когда шестерни снова пришли в движение, фигуры начали одна за другой исчезать.

Когда очередь дошла до одного из них, его глубокие зрачки едва заметно дрогнули. Почувствовав отторжение этого мира, он снова погрузился в тишину, позволяя пустоте медленно поглотить свое тело.

14. Развлекательная драма 01

В больнице под конец смены привезли экстренного пациента. Операция закончилась только к одиннадцати вечера. Автобусы уже не ходили, и Линь Мао вызвал такси.

До дома было идти около получаса, но после того, как в том районе недавно ограбили и проломили голову прохожему, которого потом лечили в их же больнице, Линь Мао решил не рисковать.

Такси быстро довезло его до жилого комплекса. Линь Мао вышел, кивнул дежурному охраннику и вошел через медленно открывающиеся ворота. Уличные фонари светили тусклым желтым светом. Линь Мао быстро зашагал по двору и поднялся к своему подъезду. Приложив карту к считывателю, он вошел внутрь и начал подниматься по лестнице.

Он жил на шестом, последнем этаже. Квартиру он купил на свои накопления. Район был средним, рядом находился детский сад, который с семи утра начинал транслировать веселые песенки, но Линь Мао вставал в полседьмого, так что это его не беспокоило.

Поднявшись на пятый этаж, он завернул за угол и замер. В подъезде не горел свет, но с его зрением 5.2 он отчетливо разглядел человека, сидящего у его двери с бутылкой пива в руках. Это был его бывший однокурсник И Цзяшэн.

Линь Мао сжал губы и с холодным лицом подошел ближе.

— ...Линь Мао! Линь Мао, ты вернулся! — И Цзяшэн икнул и поднял голову. Увидев юношу, он расплылся в широкой улыбке. — Я уж думал, что перепутал адрес. Хорошо, что ты пришел.

Линь Мао наклонился, взял И Цзяшэна за руку и помог ему подняться. Его лицо было чистым, кожа светлой, рубашка застегнута на все пуговицы, что придавало ему вид человека, далекого от мирских страстей. И Цзяшэн изумленно смотрел на него.

Линь Мао отвел взгляд, не заметив этого.

— Входи, — Линь Мао достал ключи, открыл дверь и завел И Цзяшэна внутрь, усадив его на диван.

Едва коснувшись дивана, И Цзяшэн обмяк. Линь Мао пошел в прихожую переобуться. Он жил один, гостей почти не принимал, так что всё было рассчитано на одного.

Он включил чайник, подождал несколько секунд, налил в стакан теплой воды и подошел к дивану:

— Зачем ты пришел так поздно?

Прошло три года с выпуска из университета. На встречу однокурсников Линь Мао не пошел из-за работы, и их общение с И Цзяшэном свелось к редким перепискам в сети. Сейчас, увидев его на пороге, Линь Мао не строил иллюзий. Свои чувства к И Цзяшэну он давно спрятал глубоко внутри, не надеясь на взаимность.

— Линь Мао, помоги мне. Кроме тебя, мне не к кому обратиться. Я больше не могу, я сойду с ума, — И Цзяшэн схватился за волосы, его голос дрожал от отчаяния.

Видя, как мучается И Цзяшэн, Линь Мао почувствовал укол в сердце. Его голос охрип:

— Что случилось? Если я могу помочь — я помогу.

— Та развлекательная компания, с которой я подписал контракт, относится к нам как к дешевой рабочей силе. Они не дают мне нормальных ролей, заставляют играть в массовке, я с ног сбиваюсь, бегая по кастингам. Зарплата такая низкая, что мне не на что есть. Контракт на десять лет. Чтобы расторгнуть его, я должен выплатить пять миллионов! Пять миллионов! Где мне взять такие деньги?

— Если так пойдет и дальше, я просто слягу от усталости. Я сбежал со съемочной площадки, чтобы прийти к тебе. Я не хочу возвращаться, Линь Мао, спаси меня.

И Цзяшэн вцепился в руку Линь Мао, его слова звучали как мольба о спасении.

Линь Мао опустил глаза, глядя на чужую руку на своем запястье. Тепло, исходящее от пальцев другого человека, — то, о чем он мечтал так долго — теперь было так близко. Линь Мао медленно поднял взгляд.

— Если я продам квартиру, получу от силы миллион.

Глаза И Цзяшэна внезапно загорелись, он затряс головой:

— Нет-нет, Линь Мао, я не за деньгами пришел. Я... я...

— Говори прямо, — запястье Линь Мао покраснело от крепкой хватки, но он не обращал внимания, лишь слегка улыбнулся.

— Хань Сяо, ты же знаешь его? Босс компании «Линъюй», с которой я подписал контракт. Четыре месяца назад он попал в аварию, и ты спас его, доставив в больницу.

Линь Мао задумался. Что-то такое было, но он быстро забывал незнакомцев. Виделись один раз, а потом он уже не мог вспомнить лицо. Видя, как нервничает И Цзяшэн, он кивнул:

— Да, помню.

— Попроси его, пожалуйста! Пусть он позволит мне расторгнуть контракт. Ты его спаситель, он не сможет тебе отказать, — взмолился И Цзяшэн.

— А получится ли? — Линь Мао помнил лишь холод и отчужденность, которые исходили от Хань Сяо. Казалось, он презирал всех вокруг.

— Получится, получится, обязательно получится! — закивал И Цзяшэн.

Линь Мао закусил губу. Он никогда не пользовался тем, что спас кому-то жизнь. Но если он сделает это для И Цзяшэна... а что потом? Будет ли второй раз, третий?

— Линь Мао, это всего лишь одна просьба. Ты ничего не теряешь. Одно слово — и я свободен. Я обещаю: как только расторгну контракт, я сразу буду с тобой.

И Цзяшэн, боясь отказа, выпалил заранее заготовленную фразу.

Глаза Линь Мао широко раскрылись. Он не мог поверить своим ушам. В голове крутилось одно: он узнал. Он действительно узнал. Но как?

— Помоги мне, всего один раз. Ты ведь любишь меня, правда?

Линь Мао шевельнул губами. Он хотел отрицать, хотел сказать нет, но, глядя на лицо человека, в которого был тайно влюблен три года, он не смог произнести эти слова.

— Я... я попробую, — тихо сказал Линь Мао.

Мрачное выражение лица И Цзяшэна мгновенно сменилось радостью, словно он протрезвел. Он обнял Линь Мао:

— Спасибо, спасибо тебе, Линь Мао! Я так счастлив, спасибо!

Линь Мао, заразившись его эмоциями, тоже слабо улыбнулся.

— О, у меня завтра дела, я не останусь. Я всё устрою и позвоню тебе, когда назначу встречу, — И Цзяшэн сиял.

— ...Хорошо, иди, — Линь Мао спрятал свое разочарование.

— Спасибо! — И Цзяшэн похлопал его по плечу и встал. Он шел к двери уверенной походкой, совсем не похожей на пьяную.

Линь Мао смотрел ему вслед, пока дверь не закрылась, и улыбка медленно сползла с его лица.

— Кинозвезда!

Сяо Хуан Шу зависла перед ним, на правой странице красовался ряд восклицательных знаков.

— Хотя он и играет в массовке, актерские задатки у него есть.

— Но всё равно не такие, как у тебя!

— Ты сказала, что эта роль очень сложная. В чем именно? Я пока ничего не заметил.

— Хе-хе-хе, без спойлеров!

— Ты меня не обманываешь?

— Как можно? Моя репутация гарантирована самим Божеством романов-драм.

— Тогда скажи, почему два дня назад этот мир замер на целый час? Что он нашел или что искал?

Согласно информации, мир романа может замереть по двум причинам: первая — исполнитель не может завершить сюжет или нарушил его, вторая — в мир входит новый исполнитель, как он сам.

Он уже вошел, значит, вторая причина исключена. Что касается первой — он строго следовал сценарию. Или, может быть, в этом мире есть другие исполнители? Но это невозможно: на один мир назначается только один. Мир романа и мир драмы существуют независимо, но подчиняются своим законам. Если закон принял его, он не примет другого.

Если только...

Если только проблема не в местных жителях, то есть NPC.

Сяо Хуан Шу что-то невнятно промычала, не дав ответа. Линь Мао хмыкнул и перестал давить.

Если она не может сказать, то не скажет. Впрочем, так даже интереснее.

Всегда быть марионеткой, знающей сюжет и идущей по заданным рамкам, — довольно скучно. Он не хотел рисковать своей душой ради изменений, но если кто-то другой решит всё испортить — он с удовольствием посмотрит.

В конце концов, даже марионетка, которая умеет чувствовать и мыслить, хочет иногда испытать что-то новое.

Спустя неделю, во время обхода пациентов, Линь Мао получил звонок от И Цзяшэна. Тот сказал, что договорился с Хань Сяо и ждет его в восемь вечера в отеле.

<http://bllate.org/book/22143/2307056>